

■ Размышления над новой книгой

DOI: 10.19181/snsp.2020.8.2.7309

ОБЩЕСТВО РИСКА, ПОСТКАПИТАЛИЗМ ИЛИ ОБЩЕСТВО ТРАВМЫ? (СПОРНЫЕ ЗАМЕТКИ О НОВОЙ РАБОТЕ Ж. Т. ТОЩЕНКО)

Б. Г. Нагорный¹

¹Луганский национальный университет им. В. Даля.
91034, Луганск, квартал Молодёжный, 20а

Для цитирования: Нагорный Б. Г. Общество риска, посткапитализм или общество травмы? (спорные заметки о новой работе Ж. Т. Тощенко) // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8. № 2. С. 133–140. DOI: 10.19181/snsp.2020.8.2.7309

Любое профессиональное сообщество формирует свои критерии выделения из потока новой информации работы, с которыми надо познакомиться. Новые публикации Ж. Т. Тощенко коллеги ждут особенно: они привыкли к его удивительной работоспособности, глубине анализа и оригинальности обобщений и выводов.

И всё же, на наш взгляд, можно утверждать: к этой фундаментальной работе Ж. Т. Тощенко шёл несколько десятилетий, начиная от работ 1980-х гг. по социальной инфраструктуре, социальным резервам труда, от основательных монографий по социологии труда и социологии управления до капитальных работ двух десятилетий нового века (фантомы российского общества, социология жизни, парадоксальный человек, теократия, прекариат).

Уместно также упомянуть об огромной многолетней работе автора в должности главного редактора журнала «Социологические исследования», его многочисленных, всегда актуальных публикациях в социологической периодике.

Но даже те читатели, которые привыкли к высокому уровню методического и методологического анализа автора, к смелости его гипотез, к глубине его выводов, основанных на обобщениях достигнутого уровня социологического знания, будут в очередной раз поражены огромным объёмом выполненного анализа, строгой логикой излагаемого материала, умением по-новому взглянуть на столь сложное, противоречивое современное общество.

Все тринадцать глав работы «Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа)» [Тощенко, 2019] распределены в обоснованной последовательности в трёх разделах. И всю главную, эвристическую нагрузку, на наш взгляд, несёт первый раздел «Теоретические основания исследования общества травмы», где дана аргументация обоснования новой важной категории общества травмы как третьей модальности развития,

отдельным параграфом дано превращение травмы в социальное понятие. И здесь поражает великолепная демонстрация автором социологического воображения (как неотъемлемого качества профессионала-социолога, к чему многократно призывали классики социологии) и известная социологическая смелость, с которой излагаются оригинальные авторские трактовки классификации общества травмы, причём его возникновения. Можно только представить, с каким особенным вниманием будет читаться раздел второй «Основные проявления травмы в российском обществе», где даётся детальный анализ таких актуальных составляющих, как переход от кризиса экономики к стагнации и рецессии, сравнение с показателями развития других стран, характеристика различных форм отчуждения и другие жизненно важные вопросы. Еще раз отметим интеллектуальную смелость автора, когда он не побоялся вынести в заглавие отдельной главы один из показателей общества — «Идеологическое безвременье как характеристика общества травмы» (гл. 8).

В качестве отступления отметим: примечательно, что в фундаментальной работе автора «Фантомы российского общества», которая открывается главой «Травма и антиномия — новые черты общественного сознания и поведения современной России», выделены основные причины, способствующие деформации общественной жизни под влиянием травм. «Вступление России в 1990-е годы в рыночную экономику усугубило процессы деформации общественной жизни, породив новые метаморфозы, противоречия общественного сознания и социальной практики, отразившиеся в кардинальной его трансформации и создав такие уникальные его состояния, как травмированность и антиномичность, что повлекло за собой глубокие социальные последствия» [Тощенко, 2015: 14–17].

Вместе с тем автор справедливо, как и его коллеги, осознавал, что многие работы (в частности, П. Штомпки, которого наиболее часто цитировали, особенно после публикации двух его статей в «Социологических исследованиях» в 2001 г. [Штомпка, 2001а, 2001б]) отражали ситуацию окончания прошлого столетия и только что начавшегося XXI века.

Даже беглый контент-анализ исследований в различных странах показывает, как мучительно искали учёные из разных стран основные критерии современного общества. Все запомнили отчаянный призыв Э. Гидденса «К социологическому сообществу», прозвучавший в 2007 г., где он с тревогой говорил об отставании социологии от реалий быстро меняющегося мира.

Ещё в 2003 г. на десятом международном симпозиуме «Куда идёт Россия?» Ю. А. Левада высказал примечательное суждение: «Фразеологический стереотип некоего пути, по которому страна, общество как будто может “идти” вперёд или назад, от “пункта А к пункту Б”, обладает, на мой взгляд, сильнейшим дезориентирующим воздействием... В обществе могут одновременно происходить типологически различные изменения в разных сферах. Между тем терминологические “шапки” всей серии ежегодных симпозиумов “Куда идёт Россия?..” выдержаж-

ны в духе такой метафоры, а нынешний вариант (“Куда пришла...”) исподволь подсказывает образ какого-то конечного пункта, куда страна добралась после долгих странствий. Может быть, несколько удачнее выглядел бы иной (тоже ограниченный, метафорический) образ – попытки определить сегодняшние социальные, экономические, политические, нравственные, международные и другие координаты тяжёлого и трудноуправляемого корабля, дрейфующего во льдах под ветрами со всех сторон» [Левада, 2003: 142]. Думаю, что такой авторитетный специалист, как Ю. А. Левада, подчёркивал сложность использования метафор при анализе социальных процессов, а не настаивал на необходимости отсутствия стратегии развития.

Даже те читатели, которые только начинают знакомиться с содержанием фундаментальной работы Ж. Т. Тощенко по оглавлению, сразу обращают внимание на то, что автор уже самим названием параграфов в главах обращает внимание на самые злободневные, самые нерешённые проблемы. Вот только некоторые примеры из третьего раздела «Социальный и человеческий капитал в обществе травмы», заголовки параграфов девятой главы: «Общество не может быть более развитым, чем его образование», «Какова же цель образования?», «Кто главный субъект в образовательном процессе?», «Являются ли компетенции новым словом в модернизации образования?», «Фокусы с ЕГЭ, в том числе статистические». В следующих, 10-й и 11-й главах, где автор также системно анализирует такие важные сферы, как наука и здравоохранение, он продолжает как бы приглашать читателя поразмышлять над наиболее значимыми проблемами: «Наука: основа созидательных сил общества или неопределённость участия в решении стратегических проблем», «Станет ли университет базой и основой развития науки?», «Здравоохранение: оптимизация или деформация», «Кадры медицины, что происходит?».

И когда читатель уже ознакомился с узловыми проблемными ситуациями в анализируемых процессах, заключительный раздел задаёт всем нам самый главный вопрос: «Возможно ли будущее у нестабильных стран?» и предлагает вместе обсудить такие индикаторы: «неопределённость как характеристика развития общества травмы», «новое качество социального неравенства», «рост конфликтности», «потеря управляемости».

Завершающая глава 13 также озаглавлена в форме вопроса: «Общество травмы вечно?», и автор предлагает свой вариант ответа на последний вопрос: «Где же выход?», сформулировав свои шесть выводов [Тощенко, 2019: 301–312].

Автор не стал перечислять все определения общества, которые давали различные мыслители, начиная от ранних утопистов до современных авторов, которые исследуют посткапитализм, – такие, как Пол Мейсон и Питер Друкер. Конечно, в этот список вошли бы и Томас Пикетти с его «Капитал в XXI веке», и Филипп Котлер с работой «Конец капитализма? 14 антидотов от болезни рыночной экономики», и многие другие авторы.

Примечательно, что в своей нашумевшей работе «Посткапитализм. Путеводитель по нашему будущему» Пол Мейсон, анализируя упадок постсоветской Молдавии, во Введении пишет: «К Днестру мы едем через холодные леса,

мимо полуразваленных домов и железнодорожных станций, в расцветке которых преобладает цвет ржавчины. Плавно течёт ледяная вода. Царит такая тишина, что слышно, как с ветхого, медленно осыпающегося моста, расположенного выше по течению, падают вниз кусочки цемента» [Мейсон, 2015: 2].

По этому мосту неоднократно проезжал и я, как и многие другие промышленные социологи, особенно в 1980-е гг., после выхода книги В. В. Соловьева, М. М. Кашина, В. В. Чичилимова «Всё о нас и нашем коллективе (опыт работы Тираспольской швейной фабрики)», которая вышла в Кишинёве в издательстве «Карте-Молдаვენяска» в 1984 г. Многочисленные экскурсанты спешили своими глазами увидеть то, о чём утверждалось в книге и почти еженедельно писали все СМИ: действительно ли на фабрике (кстати, одной из немногих, которые экспортировали в те годы свои швейные изделия), в цехах работают социологи – выпускники МГУ (Г. М. Андреева) и творятся всякие промышленные чудеса. У меня сохранился отчёт о поездке в Тирасполь 1981 г., с которым я выступал на заседании учёного совета отраслевого НИИ, где я работал тогда завсектором социологических исследований. К сожалению, те многочисленные примеры, которые приводит Ж. Т. Тощенко в своей новой работе, говоря о стагнации и резком снижении промышленных показателей, могут быть дополнены и примерами состояния промышленности современной Молдавии и других постсоветских стран.

Можно представить, какой трудоёмкой была работа автора, когда он сравнивал все известные эпитеты, относящиеся к обществу: информационное, общество риска, постмодерновое, посткапиталистическое и т. д., так как ему нужно было доказать коллегам, что общество травмы имеет право на существование.

Достоинством новой работы является обстоятельный именной указатель, содержащий около 300 фамилий, и списки использованной литературы, приведённые после каждой главы, которые вместе убедительно свидетельствуют о том количестве источников, которые использовал автор. К числу таких работ относится и работа В. Г. Федотовой «Хорошее общество». Приведём лишь одну цитату, из которой становится понятно, насколько это сложная задача – определить основные характеристики современного общества: «Речь не идёт о том, чтобы выдумать нормы для растерявшего их общества, а о том, чтобы в ситуации их разрушения аккумулировать все оставшиеся и бытующие в некоторых средах, в сознании многих людей, в сегодняшней повседневности и практике значения и теоретически обосновать новые, сделать эти значения не только достоянием “свободно парящей” интеллигенции, но и социально признанными в масштабах общества. При сокращении свободного доступа к образованию, политике СМИ, уже осуществлённой в массах habituализации маргинального, задача не превратить народ в люмпенизированную массу является второй по значению после физического сохранения и умножения населения. Это задача сбережения и восстановления его качества, человеческого и социального капитала» [Федотова, 2005: 464].

Профессионализм автора, в числе прочих критериев, определяется ещё и тем, на какие источники он опирается, оригинальностью обобщений и выводов.

Не будет преувеличением сказать, что профессиональное сообщество всегда ждёт и внимательно изучает новые работы Ж. Т. Тошенко. Помимо неизменно высокого уровня эрудированности и тщательного изучения работ коллег, он постоянно сознательно, по-хорошему провоцирует их на дискуссии, на оппонирование. Даже беглый анализ работ автора за эти полтора—два десятилетия свидетельствует о том, насколько он расширяет социологический тезаурус, вводя новые категории и определения («кентавр-проблемы», «парадоксальный человек», «социология жизни» и др.). Например, с сугубо академического термина «прекариат» была стёрта пыль академизма, и обществу было доказано, какая это актуальная проблема.

А вместо традиционного заключения автор предлагает читателю материалы круглого стола научного совета Отделения общественных наук РАН «Новые идеи в социологии», на котором обсуждалась новая монография автора с привлечением известных специалистов.

Эту монографию надо читать с маркером в руке. Вот, для примера, те места (выборочно), которые я выделял в тексте. Глава 2 «Страны нестабильного развития и их характеристика»:

«По прогнозам экспертов ОЭСР, даже к 2030 г. более 60% бедных людей планеты будут проживать именно в этих проблемных (53) странах».

«Если осуществить попытку классификации этих государств и обществ, то можно выделить следующие виды:

1. Ряд обществ травм возник как следствие нарушения логики объективного и последовательного развития в результате бездарного управления страной, не решившего объективные потребности и приведшего к внутренним катаклизмам.

2. Общества травмы создавались посредством насильственного, в том числе и военного, давления со стороны внешних сил, которые осуществляли или пытались осуществить непосредственное силовое изменение существующего политического режима и, соответственно, институтов управления, что наглядно продемонстрировали события в Афганистане, Ираке, Ливии, Йемене и в настоящее время в Сирии.

3. В-третьих, путь возникновения общества травмы проложили цветные революции.

4. В-четвертых, для ряда обществ травм (Босния и Герцеговина, Косово, Судан, Сомали, Эфиопия, Мьянма) длительно действующим травмирующим фактором стали этнические и конфессиональные противоречия, которые служили базой для разрушительного воздействия на экономические и социальные отношения.

5. Общества травмы возникают в том случае, если экономическое, социальное и, конечно, политическое развитие страны пустили на самотёк, не осуществляя мер по постоянному согласованию различных социальных интересов, а тем более, не заботясь о будущем страны, как это произошло на Мадагаскаре, в Мали, на Филиппинах.

6. Эти страны (Россия и ряд стран Восточной Европы) в результате ошибочного курса по изменению общественного строя уже более чем четверть века находятся в ситуации стагнации, замерли или отступили от ранее достигнутых рубежей. При этом, даже если происходят в них изменения или преобразования, это можно квалифицировать, по меткому выражению И. Шумпетера, *ростом без развития*» [Тощенко, 2019: 33–39].

Одна из наиболее значимых частей новой работы автора – «Социально-экономические причины возникновения общества травмы». Вообще, как уже отмечалось, в работе много оригинальных, аргументированных выводов и обобщений. А вот этот, на наш взгляд, надо выделить особо: «Принципиальная новизна становящихся сложных реалий состоит в том, что не только люди выступают как акторы, но и созданные ими актанты (компьютерные сети, цифровые технологии, механизмы с искусственным интеллектом, ровно как и окультуренная ими природа) начинают проявлять как бы «собственную волю», т. е. рефлексивность. А причастность обществ травмы к решению этих проблем затруднена в силу отсутствия технологических и информационных возможностей» [Тощенко, 2019: 43–44].

Работа имеет строгую логическую последовательность. Если первый раздел «Теоретические основания исследования общества травмы» в четырёх главах исследует узловые проблемы, формирующие это ключевое понятие, то во втором разделе рассматриваются уже важные практические аспекты – «Основные проявления травмы в российском обществе».

Справедливо полагая, что важными факторами для преобразования общества травмы является социальный и человеческий капитал, автор подробно анализирует такие интегральные показатели, как образование, наука и здравоохранение.

Одним из главных тезисов этой фундаментальной работы является тревога в связи с деформацией традиционной социальной структуры общества, с появлением новых групп «униженных и оскорблённых». Эта работа, помимо всего прочего, показала, насколько актуальной была идея автора доказать (и это он убедительно сделал в своей предыдущей монографии по прекариату), что одной из актуальнейших проблем современного рынка труда, помимо усилившейся международной конкуренции на рынке труда и возрастания роли искусственного интеллекта, является перспективы трудоустройства работников.

На эту проблему также неоднократно обращал внимание М. Г. Делягин. Например, в работе «Непубличный аспект кризиса демократии» он пишет: «Вся история человечества в XX веке заключается в непримиримой в силу самой его природы борьбе Финансового интернационала за интеграцию, за преодоление и необратимое устранение всех экономических границ. Сначала эта борьба “на уничтожение” велась против колониальных империй (в парадоксальном союзе с разрозненными группами революционеров, а затем и с Коммунистическим Интернационалом, и со сталинским СССР), а после их краха – с обособленными от единого мирового рынка национальными государствами (в первую очередь с Советским Союзом).

Крах последнего, ставший непосредственным началом глобализации, знаменовал собой их окончательную победу – и, соответственно, выполнение, то есть исчерпание ими своей исторической миссии.

Мировая экономическая депрессия, глобальный кризис перепроизводства, вызванный загниванием глобальных монополий, представляет собой просто другое выражение исчерпанности этой исторической миссии. Эта исчерпанность превращает их в по-настоящему реакционную, то есть противодействующую прогрессу как развитию, направленную на консервацию прошлого общественно-историческую силу. Именно они являются непосредственными выразителями стремления к блокированию технологического прогресса и разделению человечества на расы глобализированных “господ”, непосредственно обслуживающего их персонала разной степени квалифицированности и излишней и потому деградированной “биомассы”, вымирающей в надёжно изолированных от “чистого” мира резервациях.

Правда, полный консенсус в этом вопросе, даже в самих глобальных управляющих кланах, всё ещё, насколько можно судить, не достигнут, так как привычная человеческая мораль в целом ещё жива даже среди их руководителей и интеллектуальных лидеров, однако давление объективной потребности исключительно велико.

Причина этой потребности заключается в сверхпроизводительности информационных технологий, которая делает избыточным существование значительной части человечества, в первую очередь “среднего класса” развитых стран. С точки зрения извлечения прибыли эти люди просто перестают быть производящим ресурсом и становятся чистыми издержками; соответственно, их потребление также становится для глобальных корпораций чистыми издержками, подлежащими неукоснительному сокращению, – особенно в условиях кризисов» [Десягин, 2011: 117–120].

К этой тревоге присоединяются Е. Ларина и В. Овчинский, анализируя прогнозы международных экспертов по долгосрочным траекториям человеческой деятельности в статье «Вперёд к нечеловеческой цивилизации». Они приводят прогноз ООН о том, что «к 2070 году население Земли должно составлять минимум 12 миллиардов человек, из них 95% населения, или 11,5 миллиарда, окажутся для функционирования новой цивилизации излишними, потребляющими дефицитные ресурсы, загрязняющие планету» [Ларина, Овчинский, 2019: 7].

Можно долго перечислять достоинства работы Ж. Т. Тощенко, но всё же, на наш взгляд, главным её достоинством является то, что она стимулирует очень важные обсуждения, которые должны приводить к практическим результатам. Предвижу вопросы, которые задавались на протяжении длительного времени авторам, которые пытались несколькими эпитетами дать исчерпывающую характеристику современному обществу. Такой вопрос может возникнуть и сейчас. Может ли «общество травмы» вобрать все характеристики и противоречия современного общества? Автор дал, на наш взгляд, системную и обстоятельную

аргументацию (в том числе и предыдущими работами), что такая новая категория, как «общество травмы», должна быть введена в тезаурус современных исследователей. И очень хочется надеяться, что новое поколение управленцев, которое приходит к власти на разных уровнях, почерпнёт много нового для практической работы из обстоятельного анализа, проведённого автором.

Список литературы

Делягин М. Непубличный аспект кризиса демократии // Свободная мысль. 2011. № 7–8. С. 115–130.

Ларина Е., Овчинский В. Вперёд к нечеловеческой цивилизации. М.: Изборский клуб, 2019.

Левада Ю. А. Рамки и варианты исторического выбора: несколько соображений о ходе российских трансформаций. 20.02.2003. // Полит.ру: [сайт]. URL: <https://polit.ru/article/2003/02/20/584054/> (дата обращения: 30.05.2020).

Мейсон П. Посткапитализм. Путеводитель по нашему будущему. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 415 с.

Тощенко Ж. Т. Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. 668 с.

Тощенко Ж. Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа) М.: Весь Мир, 2019. 345 с.

Федотова В. Г. Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 544 с.

Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе: (статья вторая) // Социологические исследования. 2001б. № 2. С. 3–12.

Штомпка П. Социальное изменение как травма (статья первая) // Социологические исследования. 2001а. № 1. С. 6–16.

Дата поступления в редакцию: 06.02.2020. Принята к печати: 15.03.2020.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Нагорный Борис Григорьевич — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Луганского национального университета им. В. Даля, Луганск.